

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ

Михаил Алексеевский

ПРОБЛЕМЫ ФИКСАЦИИ ПОХОРОННО- ПОМИНАЛЬНОЙ ПЛАЧЕВОЙ ТРАДИЦИИ (К.В. ЧИСТОВ И ВОПРОС ОБ АУТЕНТИЧНОСТИ ЗАПИСЕЙ ПРИЧИТАНИЙ)

Русские причитания были одной из постоянных тем научного интереса К.В. Чистова, его работы об этом жанре, выходявшие на протяжении почти полувека¹, уже давно признаны классическими. Наибольшую известность имеют две монографии К.В. Чистова, посвященные жизни и творчеству И. Федосовой², а также подготовленное совместно с Б.Е. Чистовой двухтомное переиздание в серии «Литературные памятники» знаменитой книги Е.В. Барсова³, включающее большую статью К.В. Чистова «“Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым” в истории русской культуры»⁴, которую, по

¹ Первая научная статья ученого вышла в 1947 году и была посвящена влиянию плачей знаменитой вопленицы И. Федосовой на творчества Н.А. Некрасова (*Чистов К.В.* Некрасов и сказительница Ирина Федосова // Научный бюллетень Ленинградского государственного университета. 1947. № 16/17. С. 39–45), а одной из последних его работ стала статья о ритмике заонежских причитаний, опубликованная в 2004 году (*Чистов К.В.* Заметки об особенностях ритмики заонежских причитаний // Русский Север: аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции. СПб., 2004. С. 125–127).

² *Чистов К.В.* Народная поэтесса И.А. Федосова: Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955; *Он же.* Ирина Андреевна Федосова: Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988.

³ Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. СПб., 1997.

⁴ *Чистов К.В.* «Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым» в истории русской культуры // Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. СПб., 1997. Т. 1. С. 400–495.

справедливому замечанию С.М. Лойтер¹, можно считать еще одной его монографией.

Не меньшее значение для современной фольклористики имеют теоретические работы К.В. Чистова о причитаниях. Можно сказать, что в последние несколько десятилетий изучение причитаний отечественными фольклористами в значительной степени шло по тому пути, который был обозначен в его программных статьях по этой теме². Большое значение не только для исследования причитаний, но и для фольклористики в целом имеет небольшая статья К.В. Чистова «Исполнитель фольклора и его текст», посвященная влиянию условий записи на исполнение фольклорного текста³. В ней на примере записей причитаний И. Федосовой, сделанных в разное время при различных обстоятельствах, рассматриваются некоторые типы трансформации фольклорного текста под влиянием условий исполнения. Попутно К.В. Чистов ставит очень важный и болезненный для изучения причитаний вопрос о степени аутентичности имеющихся записей похоронно-поминальных причитаний и предлагает один из вариантов его решения. За годы, прошедшие с момента выхода статьи, обозначенная К.В. Чистовым проблема не утратила своей актуальности. В данной работе мы попытаемся предложить нечто вроде развернутого комментария к отдельным положениям статьи «Исполнитель фольклора и его текст», используя новейшие полевые записи.

* * *

Вопрос о том, как соотносятся между собой «естественные» (исполненные во время обряда) и «неестественные» (исполненные вне обряда, как правило, по просьбе собирателя) причитания, был поставлен К.В. Чистовым задолго до выхода статьи «Исполнитель фольклора и его текст». Еще в монографии 1955 года он писал: «“Естественное” исполнение причитания возникает по совершенно определенному поводу и имеет специфическую эмоциональную атмосферу, неповторимую не только в условиях записи, но и при следующем причитании. Поэтому и текст причитаний принципиально неповторим. <...> Отсюда прямо следует, что вне проводов рекрута немислимо исполнение рекрутского причитания, вне похорон — похоронного причитания и т.д.»⁴.

В интересующей нас статье исследователь развивает данное положение и объясняет, почему собирателю почти невозможно добиться «естественного»

¹ Лойтер С.М. Второе издание «Причитаний Северного края, собранных Е.В. Барсовым» // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: докл. III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения—99». Петрозаводск, 2001. С. 187—193.

² Чистов К.В. Причитания у славянских и финно-угорских народов: Некоторые итоги и перспективы изучения // Симпозиум—79 по прибалтийско-финской филологии, 22—24 мая 1979: тез. докл. Петрозаводск, 1979. С. 13—20 (эта работа впоследствии дважды переиздавалась); *Он же*. Современные проблемы изучения причитаний восточных славян // Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд»: тез. докл. М., 1985. С. 129.

³ Чистов К.В. Исполнитель фольклора и его текст // От мифа к литературе: сб. в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. М., 1993. С. 91—100. Далее текст статьи цитируется по переизданию: Чистов К.В. Исполнитель фольклора и его текст // Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 134—143.

⁴ Чистов К.В. Народная поэтика. С. 260—261.

исполнения похоронного плача: «Прямая связь текста причитаний с эмоциональной ситуацией, в которой совершаются похоронный обряд и сами похороны, создает трудно преодолимые сложности для собирателя. Если при записи любой сказки или песни, предания и т.д. собиратель стремится создать условия исполнения, приближенные к естественным, для того чтобы зафиксировать текст в виде, максимально адекватном тому, который обычно звучит в отсутствие собирателя, то преднамеренное и искусственное создание “естественных” условий для записи похоронных причитаний практически невозможно. Никто не станет умирать и его не станут хоронить для того, чтобы собиратель записал причитание»¹.

Действительно, как показывает практика, собиратели чаще всего записывают причитания вне обряда. Случаи фиксации причитаний в естественном бытовании очень редки по целому ряду причин этического и технического характера. Между тем общеизвестно, что отличительной чертой причитаний как жанра является их импровизационный характер. Не существует двух одинаковых плачей, причем в данном случае речь идет не об обычном для традиционной культуры варьировании устойчивого текста. Каждое причитание складывается одномоментно в процессе совершения обряда. Хотя плакальщица активно использует «общие места», характерные для локальной традиции причетов, каждый порождаемый ею плач уникален, так как посвящен определенному человеку — покойнику, конкретные обстоятельства жизни и смерти которого иногда упоминаются в тексте. Предлагая информанту причитать под запись вне обряда, часто спустя значительное время после похорон, собиратель может записать текст очень далекий от того, который звучал во время «настоящего» оплакивания, о чем и пишет К.В. Чистов.

Однако если принять эту логику, то мы неизбежно приходим к ужасному выводу: получается, что подавляющее большинство текстов, которые записываются и исследуются фольклористами как похоронно-поминальные причитания, на самом деле являются чем-то иным. О некоторых вариантах решения этой методологической проблемы (в том числе и о тех, которые предлагал К.В. Чистов) мы расскажем ниже, а пока признаем, что эта проблема очень серьезная, и не факт, что она вообще может быть полностью решена.

Все вышесказанное требует одной важной оговорки: если разделить похоронные и поминальные причитания, то выяснится, что вопрос об аутентичности записей последних стоит менее остро. Дело в том, что похоронные и поминальные причитания сильно отличаются и по форме, и по способу бытования. В похоронных плачах большое значение имеет импровизация вопленицы. Для них характерно упоминание тех или иных обстоятельств жизни и смерти покойника, оценка его личных качеств, рефлексия вопленицы по поводу своей тяжелой судьбы. Похоронные причитания очень эмоциональные, неровные по синтаксису, в них чаще встречаются восклицания.

Поминальные причитания, напротив, более спокойные, обезличенные, в них практически нет импровизации, не упоминаются биографические подробности, касающиеся покойного. Показательно, что поминальные причитания в значительно большей степени клишированы: если сравнить несколько поминальных причитаний, принадлежащих к одной локальной традиции, воз-

¹ Чистов К.В. Исполнитель фольклора. С. 135–136.

никает ощущение, что все они являются вариантами одного текста, настолько они близки по структуре и поэтическим образам.

Эти различия объясняются несколькими причинами. Во-первых, поминальные причитания вопленицы исполняют значительно чаще, чем похоронные. Каждый похоронный плач исполняется только один раз, в момент совершения обряда, в то время как поминальные плачи звучат на 9-й, 40-й день, в годовщины со дня смерти, в годовые поминальные дни. При этом плакальщица раз за разом причитывает в одной и той же ситуации (она приходит на кладбище на могилу), а во время похорон исполняются причеты, связанные с тем или иным этапом обряда, так что плакальщица должна реагировать на изменяющиеся обстоятельства.

Следует отметить, что ситуация, когда плакальщица у себя дома причитает по просьбе собирателя, существенно ближе именно к ситуации плача на кладбище в поминальные дни. Если исполнительница несколько раз в год ходит причитать на кладбище, то для нее сравнительно легко воспроизвести плач и в «неестественных» условиях. Такие записи следует признать вполне аутентичными.

Показательно, что собирательская стратегия и методика опроса во многом определяют, какие именно причитания (похоронные или поминальные) будут записаны. Если о причитаниях спрашивают в контексте похоронной обрядности (например, после вопросов о том, что клали в гроб, что бросали в могилу), то, как правило, информант начинает вспоминать похоронные причитания. Если же собиратели ставят цель зафиксировать именно причетную традицию и задают вопросы только о причитаниях, то обычно им рассказывают о поминальных плачах. Не случайно большинство причитаний, вошедших в сборник «Русские плачи Карелии»¹, являются поминальными; это произошло вследствие того, что сборник был составлен из записей экспедиций, участники которых специально ставили своей главной задачей фиксацию плачевой культуры региона. Необходимо отметить, что и эта особенность была (пусть и очень бегло) отмечена в статье К.В. Чистова. Он писал о том, что рядовая вопленица «обычно не в силах вне обряда воспроизвести подлинный текст причитания. <...> Она либо произносит (в ответ на просьбу собирателя) поминальное причитание <...> либо ее текст оказывается набором формул, нередко расставленных в довольно произвольном порядке»².

Хотя бы отчасти реабилитировав записи поминальных плачей, вернемся к проблеме аутентичности причитаний, звучащих во время похорон. Возможно ли здесь найти какой-то выход из методологического тупика? Один из вариантов решения данной проблемы предложила в 1964 году Т.И. Орнатская. По ее мнению, исследователю причитаний необходимо дифференцированно подходить к записанному материалу и стремиться на записях, сделанных во время самого обряда, проверять аутентичность записей «искусственных»³.

К.В. Чистов скептически относился к этой идее и писал о методологических проблемах, с которыми сталкивается исследователь, пытающийся запи-

¹ Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940.

² Чистов К.В. Исполнитель фольклора. С. 136.

³ Орнатская Т.И. Современные записи традиционного обрядового фольклора // Русский фольклор. М.; Л., 1964. Т. IX: Проблемы современного народного творчества. С. 295.

сывать причитания в естественном бытовании: «Собиратель с бумагой и карандашом, записывающий принародно вопли причитывающей, представлялся деревенским жителям фигурой кошунственной. Недаром при всем богатстве записей русских причитаний среди них не обнаруживаются варианты, записанные в ходе натурального похоронного обряда. Исключение составляют две-три записи¹, не вызывающие доверия»². Таким образом, исследователь полагал, что проверить «естественными» записями «искусственные» невозможно из-за фактического отсутствия первых.

В то же время К.В. Чистов считал, что решение проблемы могут стать записи от особо талантливых профессиональных плакальщиц: «Только специально одаренным исполнительницам удастся мысленно восстановить социальную, психологическую и эмоциональную ситуацию, вжиться в нее и либо приблизиться к когда-то звучащему тексту, либо создать совершенно новый текст, который мог бы быть произнесен в естественных условиях. Из известных русской фольклористике исполнительниц причети это удавалось только нескольким»³. Далее автор перечисляет «пантеон» великих севернорусских плакальщиц: И.А. Федосова, А.С. Богданова-Зиновьева, А.М. Пашкова и др. Если следовать этой логике, то записи от всех других плакальщиц являются не аутентичными.

Однако, как хорошо знал К.В. Чистов, существует и другая проблема. Плачи известных вопленниц тоже могут вызывать сомнение в аутентичности, причем особенно часто подобные вопросы возникали по отношению к плачам И. Федосовой. Так, М.К. Азадовский во вступлении к сборнику «Ленские причитания» (1922) писал: «Причитания, записанные и собранные Е.В. Барсовым, значительно отличаются не только от малорусских или белорусских, но даже и от прочих северно-великорусских»⁴. Высказывались и более радикальные соображения по этому поводу, например, В.И. Харитонова несколько раз заявляла, что некоторые плачи Федосовой нужно считать не фольклорными, а авторскими произведениями⁵.

К.В. Чистов подробно разбирал этот вопрос в статье о «Причитаниях Северного края» и пришел к выводу, что полностью отлучать И.А. Федосову ни в коем случае недопустимо⁶. Как он показал, даже весьма вольные импровизации Федосовой строятся на традиционных для северных причитаний поэтических формулах, в них отражаются элементы похоронного обряда, характерные для местной традиции. Однако К.В. Чистов признавал, что «тексты причитаний даровитых вопленниц, записанных в XIX веке, довольно далеки от

¹ В монографии 1955 года К.В. Чистов был еще более категоричен и утверждал, что «естественных» записей вообще не существует: «В момент “первого” исполнения запись по многим причинам невозможна и до сих пор никому не удавалась» (*Чистов К.В.* Народная поэтесса. С. 263).

² *Чистов К.В.* Исполнитель фольклора. С. 136.

³ Там же.

⁴ *Азадовский М.К.* Ленские причитания. Чита, 1922. С. 10.

⁵ *Харитонова В.И.* Специфика вариативности причети // Традиции русского фольклора. М., 1986. С. 167; *Она же.* Восточнославянская причеть и ее исполнители // Фольклор народов РСФСР: Межэтнические фольклорные связи. Уфа, 1987. С. 145–147.

⁶ *Чистов К.В.* «Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым». С. 462–469.

«естественных текстов», о которых, впрочем, мы знаем явно недостаточно»¹. Учитывая своеобразие и уникальность записей от И. Федосовой, он еще в 1955 году предложил называть ее «народной поэтессой», а ее причитания — «плачами-поэмами»².

Возможно ли в наши дни попытаться что-то узнать о «естественных» текстах причитаний? С одной стороны, в настоящее время традиция причитывания по покойнику продолжает угасать, найти профессиональных плакальщиц становится очень сложно³, а особо одаренных воплениц (уровня И.А. Федосовой, А.С. Богдановой-Зиновьевой, А.М. Пашковой) — просто невозможно. С другой стороны, определенных успехов помогает добиться продуманная тактика опроса носителя традиции, например, собиратель может не сразу требовать исполнить причитания, а сперва расспросить плакальщицу о контексте их бытования. Вопросы собирателя о том, как причитают во время похорон, могут быть полезны в двух отношениях. С одной стороны, информация, полученная в ходе такого опроса, ценна сама по себе, знание обрядового контекста помогает более точно интерпретировать сами тексты. С другой стороны, когда информант начинает постепенно припоминать обстоятельства исполнения причитания, он словно погружается в атмосферу обряда и может более точно воспроизвести сам текст.

В то же время нельзя сбрасывать со счетов и идею сравнения «естественных» и «искусственных» причитаний, тем более что сейчас в нашем распоряжении оказывается все больше «естественных» записей. В последние годы с развитием аудио- и видеозаписывающей техники «вызывающие доверие» фиксации живого бытования обрядов осуществляются все чаще, однако большинство подобных записей пока не опубликовано⁴. Следует отметить, что при фиксации плачевой традиции других народов (карел⁵, болгар⁶, сер-

¹ Чистов К.В. «Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым». С. 465.

² Чистов К.В. Народная поэтесса. С. 266–279.

³ Подробнее о процессе угасания традиции причетов по покойнику на Русском Севере см.: Алексеевский М.Д. Похоронно-поминальные причитания Русского Севера: проблемы собирания и современное состояние традиции // Актуальные проблемы полевой фольклористики: сб. науч. тр. Сыктывкар, 2008. Вып. 4. С. 36–45. В то же время необходимо отметить, что и в наши дни в экспедициях удается делать записи от профессиональных воплениц. Так, ценные материалы по этой теме удалось собрать во время экспедиции Государственного республиканского центра русского фольклора в Селивановский район Владимирской области в 2009 году (см.: Алексеевский М.Д. Похоронно-поминальные причитания // Традиционная культура Селивановского края. М., 2011 (в печати).

⁴ Из опубликованных материалов наиболее ценно в этом отношении визуальное описание похоронного обряда с текстами причитаний, сделанное участниками экспедиции МГУ в дер. Большое Кротово Пинежского р-на Архангельской обл. в начале 1970-х годов: Поксеребьева В., Шмелева Т. Описание похоронного обряда // Обрядовая поэзия Пинежья (Русский традиционный фольклор в современных записях). М., 1980. С. 135–139. Ср. подробное описание поминального ритуала с текстами причитаний, сделанное А.Д. Цветковой у родственников в д. Рымы Макарьевского р-на Костромской обл. в 2006 году: Цветкова А.Д. Причитания Макарьевского края // Живая старина. 2008. № 2. С. 44–47.

⁵ Степанова А.С. О собирании, современном состоянии и некоторых особенностях поэтического языка карельских причитаний // Карельские причитания. Петрозаводск, 1976. С. 21–22; Конкка У.С. Поэзия печали: Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. С. 33.

⁶ Кауфман Н., Кауфман Д. Погребални и други оплаквания в България. София, 1988.

бов¹, греков², цыган³) записи причитаний в условиях реального бытования встречаются значительно чаще.

Для примера рассмотрим один случай, когда похоронные причитания с разницей в несколько дней удалось записать от одного информанта и в «естественной», и в «неестественной» обстановке. Летом 1996 года экспедиция лаборатории фольклора Российского государственного гуманитарного университета (руководитель — А.Б. Мороз) работала в селе Ухта Каргопольского района Архангельской области. В то время когда экспедиция находилась в селе, там скончался пожилой местный житель. На похоронах его сестра Анна Кузьминична Падчина (1921 г.р.) исполняла причитания, обрывки из которых смогли зафиксировать собиратели, присутствовавшие во время обряда. Расшифровка этих записей вызвала большие сложности, так как из-за всхлипывания плакальщицы слова причета было сложно разобрать. Однако и те отрывки⁴, которые удалось разобрать, мало напоминали привычные тексты причитаний:

*Ой, Лёня, прости меня, ой...
Что ты меня оставил одну...
...мою милую-любимую...
Прости, любимый...
Может, чем да виновата.*

Может сложиться впечатление, что А.К. Падчина просто плохо владеет причетной традицией, поэтому ее плач во время похорон получился таким куцым, обрывочным, малохудожественным. Однако через несколько дней собиратели специально пришли в гости к А.К. Падчиной и выяснили, что ее можно считать практически профессиональной плакальщицей: *Покуда я могла, дак к каждому покойнику ходила.*

Разумеется, разговор зашел о недавно прошедших похоронах, на которых Анна Кузьминична причитала по брату. Уже вне обряда она специально для собирателей воспроизвела несколько причитаний, однако эти тексты оказались очень далеки от тех, что несколько дней назад звучали на похоронах:

Когда везут, причитать можно, выносят из избы тожэ, ну когда приходишь к родным, дак соболезуешь, причитаешь. Ну вот я, например, к Галине Ивановне⁵ ходила, дак сразу пришла и мол:

*Я пришла, подружка милая,
Не на праздник, не на гостбищэ,
А на великое-то на горюшко.
Уж налетели чёрны вороны,
Да вот на вашу-ту светлу свитлицу,*

¹ Halpern B. Text and Context in Serbian Ritual Lament // Canadian-American Slavic Studies. 1981. Vol. 15. P. 52–60.

² Serematakis N. The Last Word: Women, Death and Divination in Inner Mani. Chicago, 1991; Herzfeld M. In Defiance of Destiny: the Management of Time and Gender at a Cretan Funeral // American Ethnologist. 1993. Vol. 20. P. 241–255.

³ См. документальный фильм Филиппо Боннини Баральди “Plan séquence d’une mort crîée” (2005).

⁴ Здесь и далее записи от А.К. Падчиной цитируются по публикации: Алексеевский М.Д. Похоронно-поминальные причитания Русского Севера в современных записях. С. 113–139.

⁵ Галина Ивановна — вдова брата А.К. Падчиной.

Она стоит да призадумалась,
 Она стоит призагорюнилась,
 Уж потеряла она бедная
 Да своего да хозяина-то милого...
 Теперь уж ты его не увидишь,
 Евонново-то не услышишь голосу
 И не увидишь евонново-то волосу.
 Уж он уйдёт, по той да пути-дороженьке,
 Оттуда нету пешего-то выходу, конного-то выезду,
 Уж он не пошлёт тебе ни письма, да и ни грамотки,
 Да никакой-то вот весточки...
 Ну, дальше хоть там чего сколько пропричитаешь,
 потом я наказывала своим родным:
 Уж передайте поклон да человечесий-та
 Да моему да мужу милому,
 Да моему да сыну милому.

Причитания, записанные после похорон, кажутся обезличенными, цельными, с продуманной композицией. Отрывки плача, звучавшие во время обряда, выглядят очень личными (плакальщица обращается к покойнику по имени), эмоциональными, рваными по ритму. Таким образом, наши материалы еще раз подтверждают мысль К.В. Чистова о том, что причитания, записанные вне обряда, сильно отличаются от «естественных».

Однако если К.В. Чистов писал, что исполненные по просьбе собирателя причитания обычно оказываются более бедными, чем «естественные плачи», представляя собой «набор формул, нередко расставленных в довольно произвольном порядке»¹, то в нашем случае, напротив, искусственный текст выглядит намного более развитым и логичным.

Можно предположить, что это не случайность. Во время совершения обряда плакальщица оказывается в состоянии сильнейшего душевного стресса, она не имеет возможности думать над композицией своего плача, четко следовать ритмической схеме, к тому же каждая строка плача обычно заканчивается рыданиями и всхлипываниями. Нет ничего удивительного в том, что такие причитания оказываются очень личными, эмоциональными и несколько бессвязными. При исполнении вне обряда плакальщица находится в более спокойных условиях, она имеет возможность собраться с мыслями, вспомнить поэтические формулы, обязательные для причитания, и выстроить их в определенном порядке.

Разумеется, на материале одной записи делать какие-либо далеко идущие выводы было бы опрочетливо, к тому же надо учитывать, что в данном случае нам доступны лишь небольшие отрывки плача, зафиксированного в естественных условиях. И все же кажется, что отношения между «естественными» и «искусственными» причитаниями сложнее, чем казалось ранее. Безусловно, эта проблема заслуживает более детального рассмотрения, остается надеяться, что использование новейших методик записи с применением современных технических средств хотя бы отчасти поможет разобраться в ней.

¹ Чистов К.В. Исполнитель фольклора. С. 136.